

до VIII в. С ее точки зрения, эволюция эта происходила под воздействием обычного права варварских народов, в частности славян, что нашло свое отражение в Земледельческом законе. Пороки системы судопроизводства в Византии вызвали необходимость новых судебных реформ в VIII в., сформулированных в Эклоге.

Концепция Липшиц, как можно заметить, не совпадает с мнением ряда других ученых, но тем не менее она заслуживает серьезного внимания исследователей.

Иных воззрений на роль рабства в ранней Византии придерживается Г. Е. Лебедева, которая на основе анализа кодексов Феодосия и Юстиниана пришла к выводу, что рабство в этот период сохранило свое производственное значение как в деревне, так и в городе¹³.

Не отрицая эволюции рабства и появления новых форм использования труда рабов, Г. Е. Лебедева, однако, полагает, что в ранней Византии господствовали еще рабовладельческие, а не раннефеодальные отношения. Она выступает против тезиса о том, что в этот период военнопленные превращались в колонов, а не в рабов. В государственных имениях, как свидетельствуют источники, военнопленные обращались как в рабов, так и в колонов, в частных же поместьях — исключительно в рабов. В ранней Византии интенсивно использовались почти все ранее известные источники рабства (за исключением «выращивания» рабов в латифундиях). Источники отражают «не только кризис рабства в IV—VI вв.», но и тенденции к его сохранению и поддержанию, что, по мнению Г. Е. Лебедевой, опровергает теорию о незаинтересованности землевладельцев империи в использовании труда рабов. Полемизируя с Е. Э. Липшиц и Е. М. Штаерман, исследовательница утверждает, что законодательные памятники не дают оснований рассматривать ранневизантийский период как качественно новый, когда общество якобы уже встало на путь активного изживания рабства.

Г. Е. Лебедева, однако, не отрицает некоторого сокращения масштабов рабовладения в изучаемую эпоху. По ее мнению, в городах Византии наблюдаются тенденции к сокращению применения труда рабов в муниципальных организациях при сохранении его в государственных мастерских¹⁴.

Советские византинисты продолжают разрабатывать проблемы экономики Византии. А. П. Каждан стремится выяснить противоречивость византийской экономики, проявляющуюся в наличии одновременно товарных и натурально-хозяйственных тенденций. Византийская экономика в XI—XII вв. представляется ему основанной на мелком производстве с применением традиционных и несложных орудий труда при наличии несовершенных коммуникаций. Вместе с тем сохранение античной ремесленной и сельскохозяйственной техники наряду с другими факторами обеспечивало сравнительно высокий по средневековым нормам уровень производства¹⁵.

Касаясь спорного вопроса о наемном труде в Византии, М. Я. Сюзюмов характеризует последний как распространенный общественный институт. На основании юридических источников автор рассматривает такие виды наемного труда, как поденщина и подряд, прослеживает отношения

¹³ Лебедева Г. Е. Кодексы Феодосия и Юстиниана об источниках рабства. — ВВ, 35, 1973, с. 33—50; ВВ, 36, 1975, с. 31—44.

¹⁴ Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство о городских и государственных рабах по данным кодексов Феодосия и Юстиниана. — В кн.: Средневековый город, вып. III. Саратов, 1975, с. 22—33.

¹⁵ Каждан А. П. Из экономической жизни Византии XI—XII в. — ВО, 1971, с. 169—212. Значение нового издания актов Лавры Афанасия на Афоне для социально-экономической истории Византии было показано А. П. Кажданом и Б. Л. Фонкичем (Каждан А. П., Фонкич Б. Л. Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения. — ВВ, 34, 1973, с. 32—54).